

РАССЕЛЕНИЕ УКРАИНСКИХ КАЗАКОВ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI ВЕКА*

В статье на основе изучения документов XVI в. осмысливается процесс столкновения двух потоков переселенцев, произошедший на Юге России.

Ключевые слова: Российское царство, Днепро-Донская лесостепь, Крымское ханство, Речь Посполитая, украинские казаки.

Днепро-Донская лесостепь [1], начиная с конца XVI и на протяжении всего XVII в. являлась зоной взаимодействия русских и украинцев [2]. Дореволюционные историки, рассматривавшие переселение украинцев в Россию, обращали внимание на их усердную службу [3] и размах переселенческого движения [4]. Советские историки сформулировали концепцию, согласно которой, российские власти обращались с украинцами гораздо лучше, чем с русскими служилыми людьми [5]. Исследователи отмечали благожелательное отношение России к украинским казакам – "черкасам" [6] и видели в этом проявление братских отношений двух народов [7]. Таким образом, внимание акцентировалось на тех сторонах российско-украинского взаимодействия, в которых проявлялась обоюдная заинтересованность. Между тем, как свидетельствуют документы российского приказного делопроизводства (фонд № 210 РГАДА), процесс пограничного взаимодействия был связан с необходимостью решения различных проблем.

В конце XVI в. на просторах Днепро-Донской лесостепи встретились два колонизационных потока: российский и украинский. При этом российская колонизация была преимущественно правительственной, организованной из центра. Она опиралась на строившиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы. Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся польскими землевладельцами, но не государством. Правительство Речи Посполитой специальных распоряжений о переселении не отдавало, но и не мешало движению украинцев в рассматриваемый регион.

За период 50 – 70-х гг. XVI в. удалось выявить всего два упоминания о "черкасах" в приграничном регионе. Первое из них содержится в материалах Литовской метрики. Летом 1563 г. российские дипломаты передали польскому королю послание от имени Ивана IV. В нем содержались упреки за набег во время перемирия каневских "черкас" на окрестности Новгорода-Северского и Чернигова. В ответном послании Сигизмунд-Август обещал провести расследование и наказать виновных [8]. Второе упоминание о "черкасах" на Поле относится к 1571 г., когда русская сторожа с реки Коломака была переведена на р. Ольшанку, т.к. "на Коломаки приходят черкасы каневские да сторожей громят" [9]. Помимо актов разбоя, бывших на порубежной территории делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят попытки украинского населения осесть на российских землях.

Опыта взаимоотношений с "черкасами" у российской администрации не имелось, поскольку ранее с ними российские должностные лица не сталкивались. В конце XVI в. действия "черкас" заметно активизировались. Объясняется это тем, что после передачи приднепровских и волыньских земель Великому княжеству Литовскому в состав Польского королевства в 1569 г. усилилось угнетение украинского населения. Дело не только в росте феодальных повинностей. Со второй половины XVI в. все более заметной становится дискриминация православного населения Речи Посполитой. В результате увеличилось число беглых на юг, подальше от польских шляхтичей и администрации. Но на юге лежало Крымское ханство, а территория Поля являлась в то время фактически ничейной, сюда и направлялись украинцы из Польши. Следовательно, движение "черкас" на земли, которые в Москве считали российскими, объясняется вполне объективными причинами.

Есть и другая точка зрения. Она была сформулирована Г. Н. Анпиловым и поддержана в позднейшей работе В. П. Загоровского [10]. Г. Н. Анпилов связывал появление украинцев в российских пределах с государственной политикой Речи Посполитой: "Польские феодалы в 80-х и начале 90-х годов XVI в. в связи с приближением окончания срока действия перемирия 1582 г., заключенного между Россией и Польшей, энергично создавали отряды так называемых "воровских черкас" и посылали их в юго-западные уезды России на реки Северский Донец, Оскол и др." [11]. Это мнение основывается на информации, содержащейся в статейном списке посольства Павла Волкова и

* Публикация подготовлена в рамках выполнения ФЦП "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 гг., проект № 14.В 37.21.0009 "Русский фронт XVI – XIX вв.: Северо-Запад и Юг Российского государства (сравнительный аспект)".

Мартина Сумського, которое было направлено в Варшаву: "А из Канева, и из Черкас, и из Переяславля ваши люди приходят в Путивльський, и в Рыльський и в Новгород-Северський в уезд, беспрестани воинским обычаем, станичников и бортников побивают, и в рыбных ловлях рыбу ловят, и станы ставят, а посылают их в нашу землю из Канева, и из черкас, из Переяславля и с Лубен державцы". Послание с аналогичными претензиями на имя польского короля 10 мая 1585 г. (по григорианскому стилю) вручил московский гонец Иван Всеволожский. В ответ на упреки по поводу разорения сел Оршанской волости Речи Посполитой русскими жителями округа Смоленска, в грамоте от имени Федора Ивановича сообщалось о введении строжайшего запрета на нарушение границы. Вместе с тем, высказывались серьезные упреки по отношению к подданным Речи Посполитой. В "задорах, боях и грабежах", а также в захвате российских земель обвинялись жители Остра, Любеча и Полтавы. Следует обратить внимание на то, что русские воеводы о конфликтах писали к представителям польской администрации в г. Остер, но его державец не принял мер по предотвращению пограничных разбоев. В итоге, вторжения в Новгород-Северський и Путивльський уезды продолжались. В ответном послании от 18 мая 1585 г. (по григорианскому стилю) Стефан Баторий писал: "А мы также подданным нашим прикажем, а о тех кривдах, о которых еси нам писал, зыскати (так в тексте. – А. П.) и управу учинити велим" [12].

Особое внимание следует обратить на "черкас", которые приходили для хозяйственных промыслов. Они появлялись в районе, который уже осваивался российскими подданными. Это служило причиной столкновений. В фондах Разрядного приказа не сохранилось отписок воевод и распросных речей "воровских черкас" 80 – 90-х годов XVI в., которые могли бы подтвердить достоверность сведений, фигурировавших в дипломатической переписке. Вероятно, эти документы погибли во время московского пожара 1626 г. или были утрачены позднее. Поэтому трудно точно определить роль Польского государства, державцев и феодалов в организации "черкаского" движения на российские Украины. Д. И. Багалея предполагал, что украинные старосты могли действовать независимо от правительства Речи Посполитой [13]. Более уверенно можно говорить о стихийных акциях "черкас", которым администрация Речи Посполитой не препятствовала, поскольку походы совершались в пределы ее противника. Кроме того, сами польские власти полностью действия казачества никогда не контролировали. Как остроумно заметил польский историк В. Годжишевский, "казаки запорожские и донские за свою историю не раз оказывали великие услуги своим государствам, Польше и Москве, однако, живя бесконтрольно и самовольно, еще больше доставляли им хлопот" [14]. Вместе с тем, согласно описи архива Посольского приказа 1614 г., начиная с 1585/86 г. в русском дипломатическом ведомстве начинают собираться документы о запорожских "черкасах" и о "задорах" на границе. Столбцы и выписки охватывают период вплоть до 1604 г. [15]. Приведенные данные говорят в пользу предположения о том, что не столько польские власти были причиной активизации конфликтов на порубежье, сколько начало колонизации Поля.

Таким образом, россияне и украинцы в 80-х годах XVI в. столкнулись на Поле как подданные враждебных друг другу государств. Схватки, превращавшиеся порой в полноценные сражения, происходили не только в приграничном районе, "черкасы" проникали весьма глубоко. Вместе с тем, в это же время начинается прием "черкас" на российскую службу. Так, в 1588 г. в Путивле уже появились служилые "черкасы". Это были 25 чел., которыми командовал Агей Мартынов. Тогда же на Поле для службы было послано 50 "черкас" и охочих казаков во главе с атаманом Яковом Лысым. За эту службу по государеву указу "черкасы" были наделены жалованьем [16]. Вместе с ними в Путивле уже служили 35 "черкас" атамана Агея Мартынова [17]. Надо отметить усердие служилых "черкас" в борьбе с "черкасами воровскими". Отряд А. Мартынова 25 мая 1588 г. был послан на р. Псел, к устью р. Айдара, вниз по Северскому Донцу в те места, где "воровскими черкасами" были разгромлены российские станицы. В этот раз А. Мартынову с товарищами не удалось настигнуть нападавших. А вот "черкасам" Якова Лысого, направленным на Поле 29 июня, повезло больше. Вернувшись из посылки, они доложили, что в районе Княжьих гор настигли отряд атамана Лазаря. Враги были рассеяны, а имущество и вооружение, захваченные "воровскими черкасами" у путивльских севрюков, возвращено.

16 августа 1588 г. на Поле опять были отправлены две "черкаские" станицы Я. Лысого и А. Мартынова. По возвращении в Путивль служилые "черкасы" снова доложили об успешных схватках с "воровскими черкасами". Станица Якова Лысого настигла атамана Лукина Карнауха и отбила у него награбленное добро. Затем, в Путивльском уезде они настигли атамана Берчуна с товарищами. Служилые "черкасы" разгромили этот отряд, вернули имущество и оружие путивльских севрюков. Станица Агея Мартынова патрулировала междуречье Сулы и Хорола, стремясь перехватить "черкас", которые грабили бортные ухажьи, находившиеся в этом районе. Служилые "черкасы" настигли и разбили отряд атамана Калоши. Они же разгромили "воров-черкас" на Суле, у "Нетина перевоза", а затем рассеяли отряд "воровских черкас" на Псле, ниже Княжьих гор. В результате этих стычек станичникам А. Мартынова удалось "отгромить" имущество и лошадей путивльских севрюков и доставить его в Путивль. Кроме того, в подтверждение своей службы, служилые "черкасы" принесли воеводе отрезанную голову "воровского черкаса" [18]. В это же время Василий Андреев выручил из плена донецких атаманов Яковлева и Новгородца и разбил отряд "воровских черкас" [19].

В следующем 1589 г. в памяти боярину Ф. Д. Шереметеву вновь говорится о "черкасах". Речь идет о челобитье путивльских и рыльских "черкас" в количестве 33 чел., во главе которых стоял тот же А. Мартынов. Служилые "черкасы" сообщали о том, что воеводы их посылают на Поле за "воровскими

черкасами", но не выдают боеприпасов [20]. Кроме того, имеется свидетельство о переходе в том же году на службу в Путивль 15 запорожцев под предводительством атамана Федора Гороховского. Все они были поверстаны денежным жалованьем, но в меньшем размере, чем "черкасы" А. Мартынова. Оба атамана (так они названы в российских документах) получили по 15 руб., а есаулы – по 10 и 6 руб., рядовые по 5 и 3 руб. соответственно [21]. В 1594 г. в Путивле насчитывалось 50 "черкас", не имевших поместий и служивших только за денежное и хлебное жалованье [22]. Судя по позднейшей челобитной и показаниям свидетелей, "черкас" Яков Филиппов служил станичником в Белгороде с 1600 г. [23]. Значит, вполне вероятно наличие служилых "черкас" и в этом городе. Служилые "черкасы" встречаются не только в пограничных городах. Так, сохранился список, сделанный в 1627 г. с указной грамоты Федора Ивановича в Переяславль-Рязанский. Подлинник датируется 3 апреля 1593 г. В нем говорится об освобождении "рязанских черкас" от работ по строительству городских укреплений ради их "иноземства" [24]. В платежных книгах Рязанского уезда 1594 – 1597 гг. есть указания на наделение земель "черкас" в этом уезде [25].

В апреле 1590 г. было совершено еще одно нападение на Воронеж. Предъявляя спустя два года польскому правительству, среди прочих порубежных "обид", претензии за нападение на Воронеж, Посольский приказ указывал на похищение в городе денежной казны и имущества на 40 тыс. руб. [26]. Другие российские дипломатические документы также называют эту сумму [27]. Видимо, речь идет о жалованье донским казакам, которое высылалось на Дон через Воронеж. Обычно отправка жалованья происходила весной-летом, как раз во время упомянутого нападения. В этом случае становится понятной причина, подтолкнувшая "черкас" к такому рискованному предприятию, как нападение на российскую крепость.

Ущерб от "черкасских" вторжений был довольно значительным. Во время набега 1589 г. лубенскими "черкасами" было захвачено имущества на 5 тыс. руб., взято в плен и убито более 200 чел. [28]. Сумма ущерба, нанесенного станичникам, детям боярским, бортникам и севрюкам Хотмыжского уезда набегами "черкас" Александра Вишневецкого исчислялась в 1,7 тыс. руб. [29]. Правда, не исключено, что размер урона завышен, но эти цифры не могут быть совершенно нереальными, поскольку им тогда не поверили бы ни в Москве, ни в Варшаве. В 1592 г. воевода Григорий Борисов докладывал из Чернигова о конфликте с польскими подданными. По его словам, черниговцы обнаружили начатое людьми А. Вишневецкого строительство на Прилуцком городище. В России эту территорию считали своей и поэтому поселенцев прогнали, а для предотвращения их возвращения выставили заставу. После этого на заставу пришли "черкасы" из Лубен и Остра во главе с атаманом Иваном Белиным. В результате завязавшегося боя немало черниговцев было убито и ранено, а их лошади стали добычей "черкас" [30].

В ответ на активизацию казаков российское правительство должно было принять соответствующие меры. В Поле из городов направлялись военные отряды. При этом, по возможности, воеводы должны были вытеснить или разгромить отряды "черкас", разбойничавших в Подонье [31]. В частности, 26 апреля 1589 г. было велено Афанасию Федоровичу Зиновьеву с отрядом выехать из Путивля для государевой службы на Северский Донец и Оскол. Задача ставилась такая: прояснить намерения запорожцев атамана Матвея Федорова, пришедшего на Донец и написавшего в Москву о своем желании "служить государю и над крымскими людьми промышлять". Ранее к этим "черкасам" из Тулы был послан станичный голова Федор Киреев. Конкретно представителям российских властей нужно было выяснить "как стоят и как промышляти хотят татарским делом? И станичников, и сторожей путивльских берегут ли, и казаков, и севрюков государских, которые по Донцу стоят, берегут ли, и Петра Зиновьева с крымские гонцы пропустили ль, и не погромят ли его?" [32]. Таким образом, голова, прежде всего, должен был уточнить место дислокации "черкас", поскольку их намерения были неясны, и они могли представлять угрозу. Затем он должен был выяснить, как "нововыезжие" украинцы ведут себя по отношению к российским служилым людям, находившимся на Северском Донце и часто страдавшим от "черкасских" нападений. Кроме того, приказывалось узнать, не нападали ли они на крымских послов. Посольства (татарские, возвращавшиеся из Москвы, и русские, ехавшие в Крым) были заманчивыми объектами для разбойных нападений, т.к. обычно перевозили значительные денежные средства, пушнину и другие ценности. В силу этого, они часто подвергались нападениям "черкас" и до, и после того времени, когда был составлен процитированный наказ [33].

Помимо казаков Матвея Федорова, в районе Донца находились и другие "черкасы" ("воровские", Мишак с товарищами, которые "ходят по Донцу, и по Осколу, и по Дону и громят государских людей" [34]). По отписке рыльских воевод, эти же "черкасы" угоняли скот в окрестностях Рыльска и Новосили [35]. Отсюда проистекала еще одна задача А. Ф. Зиновьева: узнать, пойдут ли "черкасы" М. Федорова вместе с людьми Мишака "воровать" или, наоборот, будут способствовать их поимке. Выяснив все это, голова должен был принять решение: если появятся татары, а "черкасы" атамана М. Федорова окажутся "государю не прямы", то "Афанасию, не сходясь с черкасы, над крымскими людьми и опроче черкас промышлять" [36]. Но если угрозы крымского набега не будет, то А. Ф. Зиновьеву надлежало атаковать "воровских черкас", для того чтобы их "поймати и перевешати" [37]. Для этого ему была обещана немедленная помощь людьми из украинских городов. Если окажется, что намерения "черкас" соответствуют изложенным в письме к царю, то надлежит действовать иначе. Прежде всего необходимо было получить определенные гарантии преданности запорожцев. Для этого А. Ф. Зиновьев должен был

"сослаться с ними, черкасы, чтоб они однолично нам правду свою показали, а себя от воров от черкас очистили и воров бы черкас на Донце и на Осколе, которые ходят по Донцу воруют и наших станичников, и сторожей, и севрюков громят, имая их, вешали, а пущих самых, имая, отсылали к нам – то их и большая правда, и служба к нам будет, и за то их пожалуем своим великим жалованьем" [38]. Такое же требование настойчиво повторялось и в других грамотах [39].

Отряд М. Федорова стал служить "государеву службу". В очередном наказе А. Ф. Зиновьеву, составленном 12 июля 1589 г., указывается: "Прислали к нам з Донца атаман Матвей Федоров с товарищи товарищей своих черкас Матвея Дворецкого с товарищи пяти человек и языка к нам Казыева улусу прислали, а после того Матвей же Федоров с товарищи прислал к нам товарищей своих черкас, ясаула Прошу Афанасьева с товарищи, с воры с черкасскими языки" [40]. Значит "черкасы" М. Федорова начали выполнять свои обязанности. И если первый посланный ими в Москву язык – татарин, то П. Афанасьев привез уже "воров-черкас" – то самое свидетельство верности и преданности, которое от них настойчиво требовали. В этом же документе содержится напоминание "нововыезжим черкасам" активно действовать против "воровских", преследовать их и ловить, а затем вешать на месте, отправляя в столицу "одного или двух лучших" [41]. Это свидетельствует о сохранении опасений столичной администрации по поводу недостаточного усердия служилых "черкас" при столкновениях с "воровскими". Помимо этого, в ожидании крымских послов А. Ф. Зиновьеву предписывалось быть особенно осторожным, а М. Федорова предупредить о недопустимости враждебных действий по отношению к послам и их сопровождению. Такое указание показывает, что "черкасам", даже находящимся на службе у Российского царства, было трудно осознать особенности своего положения и жизни в России.

На примере "черкаского" отряда М. Федорова хорошо видны основные тенденции во взаимоотношениях российской администрации и украинцев в конце XVI в. Они были гораздо сложнее, чем это порой воспринималось историками. Советские исследователи приводили эпизод с М. Федоровым как пример успешной украинской колонизации Днепро-Донского региона. При этом утверждалось, что царское правительство только положительно реагировало на появление переселенцев из Речи Посполитой [42]. Тем самым игнорировалось мнение Д. И. Багалея, проанализировавшего данный случай и пришедшего к выводу о недоверии российских властей к "черкасам", "потому что они ничем прочным не были связаны со своим новым отечеством" [43].

"Черкас" принимали на службу, поскольку остро нуждались в людях. Однако до конца им не доверяли. Зачастую служилые "черкасы" пресекали вторжения татар. При необходимости служилых "черкас" использовали для борьбы с "черкасами воровскими". Тем не менее, правительство с большой осторожностью относилось и к "черкасам", находящимся на российской службе. Само прибытие в русские пределы вооруженных отрядов вызывало тревогу, поскольку нельзя было быть полностью уверенным в том, что "черкасы" пришли на службу, а не в поисках добычи. Настороженность, проявленная правительством по отношению к отряду М. Федорова, послужила Д. И. Багалею основанием для вывода о восприятии российскими властями "черкас" как союзников, а не как своих служилых людей [44]. Эта оценка представляется не совсем точной. Рассмотрение документов о других служилых "черкасах" позволяет заключить, что они находились в таком же положении, как и другие категории военно-служилого населения Российской Украины. Только, как оказалось впоследствии, у них было больше возможностей для ухода со службы, чем у русских жителей этого региона.

Таким образом, сторожевая служба в украинских городах, изначально направленная на борьбу с татарскими вторжениями, в конце XVI в. получила еще одну задачу – обнаружение и пресечение "черкасских" набегов. Построенные на Поле крепости Белгород, Оскол, Валуйка, Царев-Борисов выполняли роль не только заслона на пути татар, но одновременно являлись опорными пунктами в борьбе с "черкасами". К концу XVI в. правительство осознало тот факт, что направление отрядов по следам набегов не обеспечивает безопасности границы. Поэтому гарнизоны основывавшихся в конце XVI в. городов выполняли уже несколько иные функции. В наказе об основании Царева-Борисова, который был вручен Богдану Бельскому и Семену Алферову [45], в числе служилых людей, направленных в составе отряда для постройки крепости, указаны и "черкасы", находящиеся на русской службе. Кстати, и в отряде А. Ф. Зиновьева было 45 служилых "черкас" [46].

Вместе с другими российскими ратниками служилым "черкасам" поручалось "идти с великим береженьем и ставиться в крепких местах, и сторожи велеть держать крепкие, да и самим головам велеть беречь накрепко, а больше всего велеть им беречься ночью, чтоб на них татаровя и воры черкасы безвестно не пришли" [47]. Приведенный отрывок отчетливо демонстрирует двойственное отношение российской администрации к "черкасам": одних воспринимали как служилых людей и подданных своего государства, а других как разбойников, нападающих на окраины. Текст также свидетельствует об использовании служилых "черкас" против "воровских": "А где появятся по Донцу, и по Осколу, и по иным речкам черкасы, и те б атаманы и казаки государю служили б, собирались на черкас ходить и над черкасами, над ворами, промышлять, их побивали, а кого живых возьмут, и они б приводили к ним (воеводам. – А. П.) в город, а окольников и воеводам тех черкас, распрашивая, велеть отсылать в Оскольский город" [48]. Воеводы Царева-Борисова должны были после постройки острога организовать сторожевую службу. Вольные казаки и атаманы Донецко-Оскольского речного бассейна сохраняли за собой право пользования юртами на Поле [49], но были обязаны нести пограничную службу [50]. Одной

из важнейших задач ее являлось предотвращение проникновения "черкасских" отрядов на территорию, считавшуюся русским правительством своей. Таким образом, государственная политика делала противниками людей, которые ранее, до включения Поля в состав государственной территории России, могли сосуществовать вполне мирно.

По мере заселения россиянами Польской и Северской укрaины, учащались пограничные столкновения. Пропорционально возрастанию плотности населения района увеличивалось количество конфликтов. Из всей территории российско-украинского порубежья наиболее интенсивно осваивались Северские земли. Именно здесь в 80-х годах XVI в. напряженность достигла такого уровня, что вопрос об обстановке в Новгород-Северском, Путивльском и других российских уездах стал предметом дипломатической переписки между Москвой и Варшавой. Польское правительство видело причину обострения положения в переходах российских подданных через польские рубежи. Видимо, в Речи Посполитой считали еще неосвоенные просторы Поля своими и воспринимали появление россиян там как нарушение польской границы. В свою очередь, в Москве подобное мнение находили несправедливым, упрекали поляков в пограничных столкновениях, однако обещали и своих подданных "удерживать от всяких непорядков" [51]. 20 октября 1587 г. состоялся боярский приговор о посылке к литовским панам-раде посланника Елизария Леонтьевича Ржевского и дьяка Захария Свизева. Согласно наказу, одной из важнейших целей посольства было урегулирование обстановки на порубежье. Посланники должны были потребовать, чтобы "паны-рада по своим украинным городом державцом и урядником заказали накрепко по всем местом, чтоб они воров унимали и в нашу землю в нынешнее, в перемирное, время, входить им не велели. А которые ходили по тем нашим местом, и тех бы воров велели сыскать и их казнить велели. И вперед однолично задору ни в чем не было". Посланники должны были указать на то, что население российской стороны границы строго придерживается правительственного запрета и не устраивает провокаций по отношению к подданным Речи Посполитой [52].

В следующем 1588 г. путивльские воеводы Григорий Никитич Борисов и Иван Вахромеев по государеву указу отправили с грамотами в Острогжск и Киев Савву Доминина. В грамотах содержались претензии к властям Речи Посполитой по поводу "черкасских" разбоев на р. Северский Донец и р. Оскол, а также в Путивльском, Рыльском и Брянском уездах. Отчитываясь о выполнении своей миссии, С. Доминин сообщал, что грамоты отдал острогжскому уряднику Ивану Коломыцкому и киевскому подстаросте. Будучи в Киеве, гонец слышал от слуги кн. Вишневецкого о готовящемся нападении на российские украинные деревни 260 "воров" [53].

Спустя некоторое время, 25 июля 1590 г. по царскому указу бояре приговорили послать в Киев стрелецкого сотника Василия Малого, причем послать от имени черниговского воеводы Андрея Хилкова. Письмо гонцу давалось также от имени черниговского воеводы [54]. В указанной грамоте, написанной в Чернигове в июне 1590 г., воевода сообщал о разгроме "черкасскими и каневскими казаками" сторож Василия Оладьина, Игнатия Тютчева и Третьяка Кузьмина, посланных на Донец, о нападениях на бортные ухажьи в Путивльском и Рыльском уездах, о совместных разбоях "черкаского атамана" Дениса и татар в Брянском уезде, а также о других конфликтах. Примечательно содержащееся в послании указание на неоднократную посылку грамот аналогичного содержания в Киев, Острогжск и Любеч от путивльских, рыльских и черниговских воевод. В этих грамотах перечислялись порубежные "обиды" и содержалось требование розыска и наказания виновных, т.к. до сих пор "тех городов дыржавцы (так в тексте. – А. П.) о тех задорех, и тех воров не сыскивали и не унимали" [55]. Тут же впервые упоминается о сожжении "черкасами" Воронежа весной 1590 г., рассказывается о выходе из Переяславля 300 "черкас" под командованием атамана Стрельбицкого, направлявшихся на Дон и Донец громить станичников и казаков [56].

Претензии к правительству Речи Посполитой, подобные тем, о которых говорилось выше, содержатся в уже упоминавшемся наказе русских посланников Елизария Ржевского и Захария Свизева [57], которые отбыли в Польшу в начале января 1587 г. Посольство было принято в Речи Посполитой 17 марта 1587 г. (по григорианскому стилю); послы выполнили поручения, содержащиеся в наказе, и отбыли в Москву 15 мая того же года. Запись речей посланников с перечислением разбоев подданных Польской короны в бассейне Дона, Северского Донца и в окрестностях Северских городов сохранилась в "Посольской метрике" Великого княжества Литовского [58]. В ней, среди прочего, говорится о разбоях с участием "черкас" под командованием атаманов Петра Верчуна и Тереха Шелудивого. Результатом посольства стало продление перемирия между двумя государствами. В перемирной грамоте отмечалось: "А в обидных делах всем украинным местом в тое перемирное время наместником, и воеводам, и державцом меж себя с обе стороны сыскивая и лихих казнить" [59].

Показательно включение Ливен и Воронежа в перечень русских городов, содержащийся в тексте перемирия 1591 г., и исключение указанных городов из списка в литовских экземплярах акта. Как отметил Б. Н. Флоря, эти манипуляции свидетельствуют о стремлении польской стороны снять с себя ответственность за нападения "черкас" на окраины соседнего государства. А российская дипломатия, напрогив, стремилась возложить на противоположную сторону такие обязательства [60].

В том же году, 11 апреля из Москвы в Варшаву были направлены великий посол М. Г. Салтыков-Морозов, думный дворянин И. П. Татищев, дьяки З. Свизев и П. Дмитриев. Согласно наказу, послам надлежало требовать суровых репрессий по отношению к виновникам разорения Воронежа, т.к. участники данного нападения не наказаны, несмотря на то, что польскому королю известно о

"черкаском" налете [61]. В статейном списке посольства говорится о том, что послы выполнили полученную инструкцию и предъявили претензии. В ответе панов-рады и короля им было сказано, что Воронеж сожгли самовольные подданные Польской короны, без ведома государя, за что "ныне многие из них поиманы и покараны" [62]. Дальнейшие события дают основания для сомнений в правдивости уверений о наказании "воровских черкас". Как свидетельствует письмо Бориса Годунова, написанное в мае 1592 г. и направленное в Варшаву с польским посланником Павлом Воином, "черкаские разбои" продолжались. Более того, они усилились после постройки Александром Вишневецким слободы Лубны [63]. К примеру, еще в одном послании из Москвы, датированном маем 1592 г., приведен обширный список пограничных "обид". Русские дипломаты не только требовали прекратить разбои на порубежной территории, но и активно протестовали против строительства острогов вблизи границы со стороны Речи Посполитой. По их словам, после основания и заселения Лубен и Прилук, жители этих городов "запустили" Черниговский, Путивльский и Новгород-Северский уезды. При этом утверждалось, что Прилуцкое городище со всеми угодьями, прилегающими к нему, является исконной землей Черниговского уезда. По словам царской грамоты, упомянутые земли издавна сдавались на оброк бортникам. При Иване IV их получили как поместья черниговские дети боярские Никита Лихарев и Иван Шестовицкий. В настоящее же время этими поместьями владеют потомки названных детей боярских Филимон Лихарев, Григорий и Василий Шестовицкие [64]. Со своей стороны, в Варшаве утверждали, что "городище Прилуцкое и река Удая з веков к Киевскому княжеству надлежит, и людем господарей наших королей польских и великих князей литовских черкасы, и каневцы, и остряне завжды того спокойне далече за тым местом больше десяти миль уживались" [65]. Неопределенность государственной принадлежности Прилуцкого городища и его округи стала причиной длительного межгосударственного спора. О том, какое значение придавали решению этого вопроса в свою пользу российские власти, говорит следующий факт: в грамоте польскому королю от имени царя Бориса Годунова, направленной в сентябре 1604 г., сначала высказывались претензии к варшавскому двору по поводу конфликтов на Прилуцком городище, а уже потом упрекались подданные Польской короны за поддержку Григория Отрепьева [66].

Поскольку "обидные дела" не прекращались, было решено направить к Сигизмунду III еще одного посланника – Афанасия Резанова. В материалах этого посольства содержится текст, аналогичный статейному списку П. Волкова и М. Сумского [67]. Это обстоятельство говорит в пользу предположения о безнаказанности участников упомянутых разбоев. 10 июля 1592 г. был составлен "Список обидным делам к Жигмонду королю" [68], известный по копии в посольской книге Российского царства. Согласно этому списку, А. Резанов должен был требовать от польского правительства принятия мер против "черкас", от которых в 1589 г. "такие задоры и кровопролитье учинилось, чево николи в перемирные лета не бывало". Помимо масштабов этот набег примечателен также составом участников, ведь "того николи не бывало и не в мирное время, что крестьяном сложась с бесермены да крестьянскую кровь проливати" [69].

Из Москвы А. Резанов выехал 10 июля 1592 г. Из "Списка" и наказа видно, что польские власти ко времени отбытия российского посланника не удовлетворили предшествующие требования Москвы. В наказе называлось количество погибших в результате "черкаских" нападений на Поле – более 200 чел. [70]. "Черкасам" вменялись в вину не только нападения, но и захват земель. Особо подчеркивалось недовольство постройкой Лубен, т.к. после возведения этого города, населенного украинцами, резко увеличилось число столкновений в приграничной зоне. На Лубны обращается внимание в грамоте от имени Федора Ивановича к Сигизмунду III [71] и в послании бояр к панам-раде [72]. А. Резанову предписывалось обязательно получить подробный письменный ответ по всем статьям "Списка обидным делом" [73].

Посланник выполнил данные ему поручения, привез ответный список от короля. Содержание этого списка и грамоты Сигизмунда III к Федору Ивановичу свидетельствуют о признании ответственности Польши за нападения своих подданных-украинцев на российские земли. В указанных документах король обещал принять строгие меры к сохранению покоя на границах [74]. О том, что А. Резанов добросовестно выполнил наказ, свидетельствует наличие копии "Списка обидным делам" в Литовской метрике [75]. При этом в ответном послании Сигизмунд III заявил: "Ино што пишеш о задорах и зачехах разных, вкладаючи на люди наши, [а что] то все нашим панством и людем от Ваших делаецца? Бо Ваши люди з Смоленска, с Торопца, с Чернигова, с Путивля и з ьных городов украинных через давние границы в наши земли вступаються, города ставити и слободы закладывати хотели, а на места и города наши наступают, и многие задоры, и зачепи над перемирные грамоты чинят". Далее король настаивал на прекращении подобных действий со стороны Российского царства. Тем не менее, Сигизмунд III обещал не допускать нападений с польской стороны границы [76].

Таким образом, колонизация Россией и Польшей своих окраин привела к обострению территориальных противоречий между двумя государствами. Оно проявилось в активизации вооруженных столкновений на сопредельных землях. До описываемого времени не было совместных вторжений "черкас" и татар на русскую землю (или они были очень редкими). И если татарские набеги регулярно совершались и ранее конца XVI в., то в документах российских посольств в Речь Посполитую, сохранившихся в фондах Посольского приказа, не встречается упоминаний о вторжениях "черкас" ранее 80-х годов XVI в. за исключением двух случаев – в 1563 и 1571 гг.

Несмотря на дипломатические меры, в дальнейшем положение существенно не изменилось. Особую опасность представляли нападения на служилых людей. Судя по царской грамоте, посланной в Ливны весной 1595 г., нападения "черкас" на российские станицы и сторожи продолжались. Они стали таким же постоянным явлением на порубежье, как татарские набеги, с той лишь разницей, что татары стремились обойти или уничтожить станицы для предотвращения поступления информации об их появлении на Поле, а "черкасы" нападали на сами сторожи и станицы, стремясь завладеть имуществом и лошадьми служилых людей. Соответственно, правительство предпринимало меры по охране рубежа от татар и от "воровских черкас", в том числе и довольно жесткие по отношению к собственным подданным: "А хотя и малые люди придут или прокрадутца на наши украины, или черкасы учнут по Полю ходить, станицы и сторожи громить, а головы тово не уберегут, и тем головам быти от нас казненным смертью" [77], – говорилось в царском указе.

Помимо актов разбоя, бывших на окраинах делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят попытки украинского населения осесть на приграничных землях, не вступая при этом в российское подданство. О таких фактах сообщали воеводы Путивля, Рыльска и Новгорода-Сверского [78] и Чернигова [79].

Опасность "черкаской" колонизации для России заключалась в том, что селившиеся украинцы не приносили присяги Федору Ивановичу и, следовательно, продолжали оставаться подданными Речи Посполитой. Поэтому русское правительство опасалось такого освоения земель "черкасами". Ведь, закрепившись на них, переселенцы создали бы условия для присоединения этой территории к Польше. Но процесс расселения "черкас" на границах Российского царства продолжался, и московское правительство остановить его не могло. В данном случае можно говорить о столкновении двух потоков колонизации Днепро-Донской лесостепи – русского и украинского. Постоянное соприкосновение русских и украинцев началось в конце XVI в., когда Россия, активизировав свою внешнеполитическую деятельность, начала освоение южного лесостепного региона. Продвижение на юг было призвано обеспечить защиту центральных районов страны от набегов крымских татар. Но в процессе колонизации Поля россияне столкнулись с "черкасами" – украинскими казаками, которые пытались осесть на уже заселявшихся российскими служилыми людьми землях. И не только пытались осесть, но и совершали набеги, разорявшие русских поселенцев. Юридически являясь подданными Речи Посполитой, а фактически действуя самостоятельно, на свой страх и риск, они серьезно осложняли продвижение России на юг.

Освоение Поля началось практически одновременно и россиянами, и "черкасами". Однако имелись существенные отличия в положении переселенцев с территории Российского царства и Речи Посполитой. В это время русская колонизация была преимущественно правительственной, организованной из центра. Она опиралась на строящиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы. Проводя такую политику, российская сторона стремилась закрепиться на Польской и Северской окраинах. Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся польскими землевладельцами, но не государством. В конце XVI – начале XVII вв. правительство Речи Посполитой специальных распоряжений о переселении "черкас" не отдавало, но и не мешало движению украинцев в этот регион. Русские власти всячески противодействовали оседанию украинских переселенцев на его территории и рассматривали "черкаскую" колонизацию как проявление экспансии Речи Посполитой.

Правительства Федора Ивановича и Бориса Годунова, опираясь на создаваемые в рассматриваемом регионе вооруженные силы, пытались вытеснить украинцев с территории, которую считали своей. Но сил, имевшихся в распоряжении Российского царства, оказалось недостаточно для преодоления сопротивления украинских поселенцев. Тем не менее, в столкновении двух колонизационных потоков преимущество оказалось на стороне русского, имевшего государственную поддержку. Однако полностью удалить украинцев с территории Поля российские власти не смогли. Результатом стало компромиссное решение проблемы. Российская администрация разрешала "черкасам" селиться на своей территории при условии изменения ими подданства и выполнения различных обязанностей паравне с другими российскими служилыми людьми.

Источники и литература

1. Российское правительство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией, частью Северских земель. Лежавшие южнее границ Российского государства неосвоенные земли назывались "Подем". Соответственно пограничная российская территория именовалась Северской и Польской украинями (окраинами).
2. В российском делопроизводстве XVI – XVII вв. украинцев называли "черкасами" по названию города Черкас, бывшем в то время центром украинского казачества. Нередко "черкас" делили на "служилых" (принявших российское подданство и поселенных на территории России) и "воровских" (формально являвшихся подданными Речи Посполитой, но фактически действовавших самостоятельно и нападавших на российскую территорию). Настоящая работа не претендует на разрешение вопроса о времени складывания украинской народности, термин "украинцы" в данном

- случае не имеет этнической окраски, а используется для обозначения жителей украинских земель Речи Посполитой.
3. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича / И. Беляев. – М., 1846. – С. 52.
 4. Багалеи Д. И. К истории заселения степной окраины Московского государства / Д. И. Багалеи // Журнал министерства народного просвещения. – 1886. – № 7. – С. 264 – 287.
 5. Тхоржевский С. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII в. / С. Тхоржевский // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 8. – С. 77
 6. Козаченко А. И. Воссоединение Украины с Россией / А. И. Козаченко. – М., 1954. – С. 12.
 7. Дядиченко В. Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией / В. Дядиченко, Е. Стецюк. – Киев, 1954. – С. 14.
 8. См.: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год) – М., 1843 – Т. 1 – № 155 – 159 – С. 231 – 240
 9. Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. – СПб., 1890. – Т. I. – С. 13.
 10. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991. – С. 194.
 11. Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. / Г. Н. Анпилогов. – М., 1967. – С. 19.
 12. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 389, оп. 1, кн. 593, л. 1 об. 3.
 13. Багалеи Д. И. К истории... – С. 89.
 14. Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV / W. Godziszewski. – Kraków, 1930. – S. 60.
 15. Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. – М., 1960. – С. 125 – 127.
 16. РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 2, л. 17 – 18.
 17. См. их список: Там же, ф. 124, оп. 1, д. 2, л. 10 – 11.
 18. РГАДА, ф. 124, оп. 1, д. 2, л. 1 – 2.
 19. См.: Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства / А. А. Танков. – М., 1913. – Т. I. – С. 138.
 20. РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 4, л. 3.
 21. Там же, ф. 124, оп. 1, д. 2, л. 10 – 11; ф. 141, оп. 1, д. 28, л. 1 – 2.
 22. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. / А. Л. Станиславский. – М., 1990. – С. 16.
 23. РГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, № 25, л. 213 – 217.
 24. Баранов К. В. Акты XVI – начала XVII века из местнических дел / К. В. Баранов // Русский дипломатарий. – М., 2001. – Вып. 7. – № 20. – С. 48 – 49.
 25. Писцовые книги Рязанского края. – Рязань, 1996. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 66, 179, 245, 305.
 26. РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 22, л. 75 об.
 27. Там же, кн. 21, л. 38 об., 365.
 28. Анпилогов Г. Н. Новые документы... – С. 80.
 29. Там же. – С. 84.
 30. РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 593, л. 172 об.
 31. См.: Загоровский В. П. История... – С. 196 – 197.
 32. Там же. – № 238. – С. 250.
 33. См. например: Кулиш П. А. История воссоединения Руси / П. А. Кулиш. – СПб., 1874. – Т. II. – С. 169 – 170.
 34. Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества (собрал и издал А. Юшков). – М.: Унив. тип. – 1898. – Ч. I. – С. 250 (далее – АРП).
 35. Там же. – С. 254.
 36. Там же. – С. 251.
 37. Там же.
 38. Там же. – С. 254.
 39. Там же. – С. 360, 363.
 40. Там же. – С. 258 – 259.
 41. Там же. – С. 260.
 42. См.: История Украинской ССР. В десяти томах. К., 1982. Т. II. С. 240; Мышко Д. И. Экономические, политические и культурные связи между Украиной и Россией в XV – первой половине XVII в. / Д. И. Мышко // Великая дружба. – Ереван, 1954. – С. 68; Дядиченко В., Стецюк Е. Борьба украинского народа... – С. 13.
 43. Багалеи Д. И. К истории... – С. 105.
 44. Там же.
 45. См.: Багалеи Д. И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний / Д. И. Багалеи. – Харьков, 1890. – Т. II. – С. 5 – 10.
 46. АРП... – Ч. I. – С. 255.

47. Багалеї Д. І. Матеріали... – Т. II. – С. 6.
 48. Там же. – С. 10.
 49. В XVI в. сложилась своеобразная форма эксплуатации обширных незаселенных территорий на юге России. Отдельные участки сдавались в аренду на год или на несколько лет для рыбной ловли, добычи пушнины, бортничества. Такие участки назывались "ухожьями", "ухожаями", иногда "откупными вотчинами". Нередко в том же значении употреблялось тюркское слово "юрт". Были случаи, когда юрты давались служилым людям вместо пахотных земель. (Подробнее см.: Загоровский В П Белгородская черта / В П Загоровский – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1969. – С. 38 – 42).
 50. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. "Смута" / Р. Г. Скрынников. – М., 1988. – С. 106.
 51. Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. / Н. Н. Бантыш-Каменский. – М., 1862. – Ч. II. – С. 8 – 9.
 52. РГАДА, ф. 210, оп. 1, кн. 18, л. 459 об. – 460.
 53. Там же, ф. 141, оп. 1, д. 1, л. 7.
 54. РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 20, л. 190 об. – 191.
 55. Там же, л. 195.
 56. Там же.
 57. Там же, кн. 17, л. 10 об. – 11 об.
 58. Там же, ф. 389, оп. 1, кн. 593, л. 94 – 95 об.
 59. Там же, л. 56 – 76 об.
 60. Подробнее см.: Флоря Б. Н. О текстах русско-польского перемирия 1591 г. / Б. Н. Флоря // Славяне и Россия. – М., 1972. – С. 75; Солодкин Я. Г. Первые годы существования Воронежа / Я. Г. Солодкин // Из истории города Воронежа. – Воронеж, 1984. – С. 44 – 45.
 61. РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 21, л. 38 – 38 об.
 62. Там же, л. 402 – 402 об; л. 499 – 499 об.
 63. Там же, кн. 22, л. 82 об. – 85.
 64. Там же, ф. 389, оп. 1, кн. 593, л. 163 об. – 165.
 65. Там же, л. 174 об.
 66. Там же, л. 222 – 226 об.
 67. Анпилогов Г. Н. Новые документы... – С. 74, 85.
 68. Там же. – С. 78.
 69. Анпилогов Г. Н. Новые документы... – С. 80.
 70. РГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 22, л. 104 об.
 71. Там же, л. 110.
 72. Там же, л. 115.
 73. Там же, л. 182 – 182 об.
 74. Там же, л. 225 – 226; 232 – 234.
 75. Там же, ф. 389, оп. 1, кн. 593, л. 166 об. – 168.
 76. Там же, л. 168 – 170.
 77. Разрядная книга 1475 – 1605 гг. – М., 1989. – Т. III. – Ч. III. – С. 90.
 78. Анпилогов Г. Н. Новые документы... – С. 74.
 79. РГАДА, ф. 389, оп. 1, кн. 593, л. 74.

Андрій Папков

РОЗСЕЛЕННЯ УКРАЇНСЬКИХ КОЗАКІВ НА ПІВДЕННІЙ ОКРАЇНІ РОСІЇ НАПРИКІНЦІ XVI СТОЛІТТЯ

У статті на основі вивчення документів XVI ст. осмислюється процес зіткнення двох потоків переселенців, що відбувся на Півдні Росії

Ключові слова: Російське царство, Дніпро-Донський лісостеп, Кримське ханство, Річ Посполита, українські козаки.

Andrey Papkov

UKRAINIAN COSSACKS' SETTLING ON SOUTHERN OUTSKIRTS OF RUSSIA AT THE END OF XVI CENTURY

The article interprets the process of collision of two migrants' flows in the South of Russia on the basis of XVI cent documents analysis

Key words: Russian tsarstvo, Dnepr-Don forest-steppe, Krym khanate, Polish-Lithuanian Commonwealth, Ukrainian cossacks.

Стаття надійшла до редакції 4.12.2012